

DOI 10.15826/izv2.2023.25.1.012

УДК 622(470.5)“19” + 622.3:930.24 +
+ 351.712 + 330.342.22:62**Е. Г. Неклюдов***Институт истории и археологии УрО РАН*
Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМЫ В РАБОТЕ ГОРНОГО НАДЗОРА НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Статья продолжает исследование одной из составных частей реформы организационных основ российской горнозаводской промышленности второй половины XIX — начала XX в., связанной с устройством государственного надзора над частной промышленностью. В ней рассмотрены проблемы, встававшие перед чиновниками горного надзора — окружными инженерами Уральской горной области, которая оставалась в начале XX в. крупнейшей по количеству объектов надзора и в этом аспекте во многом показательной для всей страны. По свидетельству самих окружных инженеров, тогда им приходилось сталкиваться как с проблемами организации их работы (определение границ округов и объектов надзора, финансирование и служебный статус), так и с проблемами, связанными с выполнением своих обязанностей (недостаток «мер воздействия» на предпринимателей). Выясняется, что если первые снимались, хотя и не всегда оперативно, то вторые сохранялись, несмотря на свою остроту и общественную значимость. Сделан вывод о том, что основной причиной этого являлся разный уровень преодоления тех или иных проблем. Если организационные вопросы решались административными мерами, находя, как правило, понимание в самом горном ведомстве, то функциональные требовали санкции законодательных органов, что выводило их на такой уровень обсуждения, где горное ведомство уже не имело решающего значения. Наличие разноплановых трудностей в работе горного надзора в начале XX в. свидетельствует о том, что на ставшем заключительным этапе своего существования он не был совершенным институтом и не всегда достигал своей основной цели по воспитанию ответственного предпринимательства в такой важной отрасли экономики, как горнозаводская промышленность.

Ключевые слова: Урал; начало XX в.; горнозаводская промышленность; горный надзор; окружные инженеры

Цитирование: Неклюдов Е. Г. Проблемы в работе горного надзора на Урале в начале XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 1. С. 180–196. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.012>

Поступила в редакцию: 24.01.2022

Принята к печати: 29.12.2022

Evgeny G. Neklyudov

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Ekaterinburg, Russia*

PROBLEMS IN THE WORK OF MINING SUPERVISION IN THE URALS IN THE EARLY 20th CENTURY

This article continues the study of one of the constituent parts of the reform of the organisational foundations of the Russian mining industry in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries, associated with the organisation of state supervision over private industry. The author deals with problems faced by officials of mining supervision, i.e. district engineers of the Ural mining region. In the early twentieth century, it remained the largest in terms of the number of objects of supervision and this aspect is in many respects indicative of what was happening around the whole country. According to the district engineers themselves, at that time, they had to face both problems of organising their work (defining the boundaries of districts and objects of supervision, financing, and official status), and problems related to the performance of their duties (lack of “measures of influence” on entrepreneurs). It turns out that if the former ones got solved, although not always promptly, the latter ones persisted, despite their acute character and social significance. It is concluded that the main reason for this was the different levels of overcoming certain problems. If organisational issues were resolved by means of administrative measures, as a rule, finding understanding in the mining department itself, functional ones required the approval of legislative bodies which brought them to a level of discussion where the mining department was no longer of decisive importance. The presence of diverse difficulties in the work of mining supervision in the early twentieth century indicates that at the final stage of its existence, it was not a perfect institution and did not always achieve its main goal of educating responsible entrepreneurship in such an important sector of the economy as the mining industry.

Key words: Urals; early 20th century; mining industry; mining supervision; district engineers

For citation: Neklyudov, E. G. (2023). Problemy v rabote gornogo nadzora na Urale v nachale XX v. [Problems in the Work of Mining Supervision in the Urals in the Early 20th Century]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 25(1), 180–196. <https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.1.012>

Submitted: 24.01.2022

Accepted: 29.12.2022

В начале XX в. в Российской империи действовала новая модель государственного надзора над частной горнозаводской промышленностью, созданная в ходе реформирования организационных основ этой базовой отрасли экономики [Штоф; Лоранский; Иванов; Неклюдов, 2018; 2019; 2020]. В основу деятельности горного надзора были положены предложения отраслевого ведомства, сформулированные еще в середине 1860-х гг. В соответствии с ними, надзор

сохранил свой прежний ведомственный характер, но приобрел профессиональный и специализированный облик. Территория империи к началу XX в. была разделена на 11 горно-административных областей (в 1916 г. добавилась еще временная Приамурская область) и 60 (в 1917 г. — 65) округов во главе с окружными инженерами, имевшими специальное образование и опыт работы. В семи крупнейших областях они подчинялись региональным ведомственным учреждениям — горным управлениям, в четырех — напрямую центральному Горному департаменту в Санкт-Петербурге. Крупнейшей по количеству предприятий оставалась Уральская горная область в составе 12 надзорных округов [Сапелкин].

Функции окружных инженеров вначале ограничивались наблюдением «за правильным и своевременным поступлением горных податей», за безопасностью работ на заводах и рудниках, а также сбором горнотехнических и статистических сведений. В 1892 г. их обязанности были детализированы, расширены и дополнены непрофильной функцией — надзором «за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и наймом рабочих» [ПСЗ-III, т. 12, № 8402]. Для необходимой в таком случае координации действий горного надзора с местной полицией тогда же были созданы особые присутствия по горнозаводским делам при нескольких областных горных правлениях и Горном департаменте, которым разрешалось «издавать постановления о мерах... для охранения жизни, здоровья и нравственности рабочих во время работ... и в отношении врачебной помощи рабочим». В 1899 г. их заменили губернскими присутствиями по фабричным и горнозаводским делам, в которых, кроме окружных инженеров и губернского начальства участвовали фабричные инспекторы, надзор которых распространялся на негорнозаводские промышленные предприятия [ПСЗ-III, т. 19, № 17122]. Порядок служебных действий окружных инженеров и взаимодействие различных надзорных ведомств были прописаны в специальном «Наказе», изданном в 1901 г. [Наказ чинам...]. Создание координирующих инстанций и подробно прописанные в служебной документации правила стали основой работы горного надзора, призванного служить формированию ответственного отношения предпринимателей к природным и социальным ресурсам.

Вместе с тем расширяющаяся надзорная практика показывала разноплановые проблемы, требовавшие совершенствования работы окружных инженеров. На основе деловой переписки и других групп ведомственного делопроизводства попытаемся выявить трудности, встававшие перед уральскими окружными инженерами, на которые они сами обращали внимание на конечном этапе деятельности горного надзора Российской империи.

Сеть горно-надзорных округов

Эффективность надзора напрямую зависела от того, насколько рационально было проведено деление горных областей на надзорные округа. Это право было прерогативой отвечавшего за развитие отрасли министра, который

реагировал на предложения региональных ведомственных управлений. Судя по динамике создания горных областей и округов, этот процесс протекал довольно интенсивно, особенно в 1880–1900-е гг., и был направлен на оптимизацию работы окружных инженеров и их взаимодействия с горнопромышленниками.

При определении границ горно-надзорных округов учитывалось несколько факторов. Неравномерность размещения горнопромышленных предприятий, привязанных, как правило, к месторождениям полезных ископаемых, влияла на масштабы округов, которые могли быть либо обширными, охватывающими несколько уездов и даже губерний, либо компактными, ограниченными небольшими территориями сосредоточения многочисленных предприятий. Имела значение и специализация горного производства (рудное, каменноугольное, металлургическое, золотоплатиновое, солеваренное), влиявшая на характер и объем работы окружных инженеров. Особенное значение приобретала также сопряженность горнозаводских предприятий между собой. Они могли располагаться на территории нескольких смежных уездов, но находиться под общим управлением. Удобнее было подчинять такие промышленные комплексы надзору одного инженера, что вызывало несовпадение границ горных округов с административным делением страны (в отличие от других ведомственных — учебных, санитарных, фабричных — округов). Все эти факторы проявились и при создании крупнейшей Уральской горной области.

В 1886 г. в нее вошло всего семь округов, между которыми были распределены частные заводы и золотые промыслы Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний. Чтобы не путать горно-надзорные округа с горнозаводскими им дали наименования, сопряженные с названиями уездов. В 1890 г. добавился Южный Оренбургский округ, охвативший присоединенные к Уральской горной области Уральскую и Тургайскую области. В 1891 г. уточнили границы между Вятским и Пермским, Восточным Екатеринбургским и Верхотурским округами. «Для усиления горного надзора» и участия его представителей в новых межведомственных надзорных учреждениях в губерниях в 1899 г. количество округов довели до 12 и изменили их границы. Территория Пермской губернии была поделена между семью округами (Пермский, Чердынский, Северо-Верхотурский, Южно-Верхотурский, Северо-Екатеринбургский, Западно-Екатеринбургский и Южно-Екатеринбургский), Оренбургской (с Уральской и Тургайской областями) — между тремя (Оренбургский, Верхнеуральский и Миасский), границы Вятской и Уфимской губерний почти совпали с двумя одноименными округами. Тогда же из состава области вывели Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии, но в 1904 г. передали Тюменский уезд Тобольской губернии наряду с изначально включенным Березовским уездом [Неклюдов, 2020, с. 188–189, 191–192].

Однако динамика развития горной промышленности в начале XX в. потребовала дальнейших изменений. «За последнее время возросла производительность старых предприятий и возникло много новых, — упоминалось в протоколе

одного из заседаний Первого съезда окружных инженеров Уральской горной области, состоявшегося весной 1914 г., — возникли новые условия разработки (появление гремучего газа в угольных коях), издан новый закон о платинопромышленности, требующий нового большого труда горного надзора; появились новые формы хозяйства на Урале — все это говорит за назревшую необходимость образования новых горных округов на Урале» [Первый Съезд... с. 70].

Особенно горячо выступали за перемены руководители масштабных южно-уральских округов. А. А. Чугунов (Оренбургский округ) говорил «о невозможности объезда своего округа, вследствие его обширности, без ущерба для других прямых обязанностей инженера» [Там же]. Н. С. Ставровский (Уфимский округ) сообщал о высказанных ему пожеланиях заводчиков, предприятия которых располагались в Верхне-Уральском уезде и относились к Оренбургскому округу, перейти «в пределы» Уфимского округа из-за «затруднительности сношений с Оренбургом». Удаленность от центра округа «заставляла их тяготеть к Уфе, отстоящей от них на значительно более близком расстоянии». К тому же Уфа, расположенная на пересечении транзитных железнодорожных и водных путей, была «в достаточной степени оборудована... представительными установлениями, как частными, так и казенными, вплоть до отделения Государственного банка включительно» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1568, л. 64–65, 73–74 об.]. П. В. Приходько (Северо-Верхотурский округ) предлагал организовать по одному новому округу не только на юге, но и на севере и западе Уральской области.

Ввиду важности вопроса представителям Южного Урала было предложено на отдельном совещании обсудить свои предложения. Участвовавшие в нем Н. С. Ставровский, А. А. Чугунов, Н. Н. Апыхтин (Миасский округ) и И. П. Шишов (Вернеуральский) рекомендовали тогда Уфимский и Миасский округа «оставить в существующих пределах», но скорректировать границы Оренбургского и Верхнеуральского округов. Инженеры согласились восстановить прежнюю границу этих двух округов после того, как в 1902 г. целый миллион десятин земли Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии «нарезали в пользу киргиз Кустанайского уезда Тургайской области», что повлекло за собой передачу этой территории в ведение и без того обширного Оренбургского округа. Уральский и Лбищенский уезды Уральской области, тоже входившие в Оренбургский горный округ, сочли возможным передать в состав Астраханско-Саратовского округа соседней Юго-Восточной горной области, «как наиболее тяготеющие» к ней. Было рекомендовано также Атбасарские каменноугольные копи передать в ведение Степного-Северного округа Томской горной области, поскольку эти копи хотя и находились в границах Тургайской области, включенной в Оренбургский горный округ, но «были тесно связаны в административном отношении с медеплавильными заводами и медными рудниками», расположенными в соседней области. «Существенным поводом к такому перечислению этих копей служит отдельность их от Оренбурга на расстоянии свыше 1500 верст, из коих на протяжении около 400 верст не имеется никаких дорог, не говоря о трактовых», — поясняли инженеры [Первый Съезд...,

с. 70, 155, 156.]. Они высказались также о необходимости учреждения дополнительных должностей их помощников и письмоводителей, особенно в связи с развитием на Южном Урале золотопромышленности.

В ведомственном «Горном журнале», где публиковались распоряжения министра по изменению границ горных округов, не нашлось подтверждения этим предложениям. Вероятно, на этот раз в условиях начавшейся вскоре мировой войны они были отложены.

Определение объектов надзора

В самом начале XX в. неожиданно остро встала проблема, связанная с разграничением объектов надзора между горным и фабричным ведомствами. Этому событию сопутствовало уточнение понятия «горные заводы», данное в высочайше утвержденном в 1899 г. Положении о Главном по фабричным и заводским делам присутствии. Отметим, что это определение и прежде менялось, создавая проблемы для горного ведомства. Так, по Горному уставу 1857 г., который действовал до издания нового кодекса в 1893 г., к горным заводам принадлежали «все те, которые занимались обработыванием минеральных произведений», а также «фабрики, учрежденные для обращения обработанных произведений в изделия, если они состоят в ведомстве горного управления» [СЗ, т. 7, ст. 2]. В 1882 г., после создания фабричной инспекции, были внесены уточнения в вышеприведенное определение, заменившее формальный подход в установлении их ведомственной принадлежности на технический. Горными сочли только заводы, «занимавшиеся обработыванием руд», заводы «железные и сталелитейные», а также «находящиеся при горных заводах... или в округах этих заводов, фабрики и заводы, служащие для обработки металлов в изделия» [ПСЗ-III, т. 2, № 1200]. Уже тогда это вызвало затруднения в определении статуса предприятий, где металлургическое производство не являлось основным (большей частью это коснулось заводов Царства Польского и Замосковья). Горному департаменту пришлось отвечать на многочисленные вопросы окружных инженеров, порой затруднявшихся самостоятельно определить статус заводов [РГИА, ф. 37, оп. 7, д. 570, л. 23, 37; оп. 65, д. 558, л. 3]. Видимо, с целью упрощения этой операции в 1899 г. к горным, кроме заводов, «занимающихся обработкою руд», отнесли лишь предприятия по «переработке металлов или обращению их в изделия», в том случае, когда, находясь при обрабатывающих руды заводах или в одном земельном имении с ними, «они принадлежали тому же владельцу» [ПСЗ-III, т. 19, № 17122].

Однако изъятие из формулировки отдельного пункта о заводах «железных и сталелитейных» вновь вызвало много недоразумений, на этот раз коснувшихся Урала, где действовали не отдельные предприятия, а издавна сложившиеся производственные комплексы — горнозаводские округа. Подойдя с формальной стороны, Горный департамент и Уральское горное управление вслед за обращениями фабричных инспекторов предписали окружным инженерам исключить из их ведения некоторые железоделательные заводы, не занимавшиеся обработкой

руд. Так, инспектор Поволжского фабричного округа счел, что его полномочия должны распространяться на Очерский и Павловский, Добрянский и Софийский заводы С. А. Строганова, Нытвенский завод С. М. Голицына, Полазнинский — Е. Х. Абамелек-Лазаревой и Никитинский — Демидовых. В ведение старшего фабричного инспектора Пермской губернии было предложено передать Юго-Камский, Варваринский и Лысьвенский заводы Шуваловых, Пожевский и Елизавето-Пожевский — С. Е. Львова, Суксунский — Каменских, Камбарский — Г. С. Кондюрина, Пудемский — Н. П. Пастухова, Белохолуницкий и Богородский — И. А. Поклевского-Козелл [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 588, л. 1, 15–18].

Однако вместо беспрекословного выполнения распоряжений высшего начальства окружные инженеры стали протестовать против исключения подведомственных предприятий из числа горных, обращая внимание на неправомерность и нецелесообразность такой операции. «Заводы не могут быть признаны не горными, — писал инженер Чердынского округа Г. Ф. Рупрехт, в ведении которого находились прикамские заводы, — так как все они составляют нераздельную часть системы хозяйства и дополняют доменные заводы тех же владельцев» [Там же, л. 24]. Окружной инженер Вятского округа С. Л. Подымовский, отвечавший за заводы Поклевского-Козелл и Пастухова, которые составляли часть Холуницкого и Омутнинского горнозаводских округов, доказывал Горному правлению, что «для заводов безразлично, агент какого ведомства будет инспектировать заводы, но весьма важно, чтобы при этом не было искусственного деления на два ведомства одного цельного и нераздельного промышленного хозяйства». «Важно и для заводской администрации, и для рабочих, — писал он, — чтобы к ним предъявлялись одни и те же требования» [Там же, л. 30–33 об.].

В результате окружные инженеры отстояли большинство железоделательных заводов под своим надзором, поскольку они вполне соответствовали действующему определению. Однако несколько предприятий все-таки сочли «утратившими горный характер». Так, в 1904 г. перешел в ведение фабричной инспекции Усть-Катавский завод, незадолго до этого проданный К. Э. Белосельским-Белозерским бельгийскому Южно-Уральскому металлургическому обществу для изготовления железнодорожных вагонов. Поскольку это предприятие изменило свой прежний металлургический профиль на машиностроительный и было отделено от Катавских заводов бывшего владельца, такой перевод сочли вполне обоснованным. Причиной передачи Никитинского и Пудемского железоделательных заводов в 1903 г. послужили сведения об их бездействии, а двух Пожевских заводов — отсутствие в окружном хозяйстве их владельца доменного производства. Но для этих предприятий передача оказалась временной. В 1912 г., когда владелец Пожвы князь С. Е. Львов восстановил домну, из Горного департамента пришел приказ: «Наблюдение за должным благоустройством и порядком... ныне лежащее на обязанности фабричного инспектора, возложить на чинов местного горного надзора» [Там же, д. 1088, л. 1]. То же произошло и на Никитинском заводе Демидовых, когда в 1915 г. там была пущена доменная печь [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1588, л. 1, 5, 6].

В 1913 г. по просьбе заводууправления Пудемский завод тоже был возвращен в горное ведомство, причем аргументация управляющего полностью совпадала с приведенным выше мнением окружных инженеров. «С переводом завода в ведение фабричной инспекции, как показала 10-летняя практика, является очень много затруднений и неудобств... — сообщал управляющий. — Предоставление отчетности и разных сведений и по регистрации несчастных случаев... также часто бывает поставлено в затруднение, так как по одной отрасли производства (заготовка топлива) Пудемский завод, как посессионный, подчинен ведению Уральского горного управления, а по другим (внутренний распорядок на заводе, порядок расчета с рабочими, отпуск провианта и т. п.) подчинен ведению фабричной инспекции... Подчинение заводов одного округа разному надзору и удаленность места жительства фабричного инспектора от Пудемского завода более чем на 400 верст, не создают в данном случае необходимых для этого условий» [Там же, д. 1636, л. 2, 8]. Учтя описанные «затруднения и неудобства», Департамент передал предприятие под горный надзор, тем самым восстановив прежнее положение.

Статус окружных инженеров и их содержание

Когда в 1886 г. в Уральской горной области вместо прежних чиновников горно-полицейского надзора — заводских исправников — ввели должности окружных инженеров, их официальный статус сразу повысили с IX (титулярный советник, или штабс-капитан в армии) до VI класса (коллежский советник, или полковник) по «Табели о рангах». Существенно (с 350 до 2600 руб.) увеличили и их «содержание», включавшее жалованье, «столовые и квартирные деньги». Содержание письмоводителя при окружном инженере (XII класс) достигало 700 руб. в год [ПСЗ-III, т. 6, № 3569]. Существенное повышение оплаты труда горных чиновников произошло в 1903 г. Тогда содержание окружных инженеров стало зависеть от масштабов и производственной специфики подведомственных им округов: только двум из них сохранили размер прежнего содержания (2600 руб.), двум другим его повысили до 2800 руб., трем — до 2900 руб., двум — до 3200 руб., двум — до 3400 руб. и одному — до 3600 руб. К тому времени у миасского и южноверхотурского окружных инженеров появились помощники, или заместители, и к пяти уже имевшимся в штате письмоводителям добавили еще пять, повысив их служебный статус до IX класса и содержание — до 1200 руб. Тогда же сумму на канцелярские расходы окружных инженеров увеличили с 2200 до 7000 руб. [Об изменении штатов..., с. 218].

Тем не менее, как доказывали чиновники на своем съезде в 1914 г., «в связи с общим подъемом заводской и горной промышленности», а также с введением в 1912 г. закона о больничных кассах, создание которых на заводах должны были курировать окружные инженеры, «сильно увеличилось» их разъезды и расходы. «Во многих случаях только путем личных переговоров» можно было устранить «возникающие трения между рабочими и предпринимателями». Выражая общее

мнение, председатель съезда предложил участникам «представить цифровой материал об увеличении расходов на канцелярию для подтверждения уже возбужденного Уральским горным управлением перед Горным департаментом ходатайства» [Первый съезд..., с. 71–72].

Некоторые окружные инженеры жаловались и на свое собственное материальное положение и служебный статус. Так, вятский инженер С. С. Чемолосов в канун съезда писал о том, что «за обязательными вычетами» получает всего 2482 руб. в год. Как самому низкооплачиваемому окружному инженеру, ему это было и обидно, и представлялось недостаточным. Необходимо, полагал он, повысить должностной статус окружного инженера с VI до V класса (статский советник), чего, по его мнению, «требуется то высокое общественное положение, которое занимает окружной инженер как высший представитель горной инспекции в округе». По его сведениям, должность окружного инженера в этом аспекте приравнивалась к должности земского начальника, губернского казначея, товарища прокурора и стояла даже ниже должности председателя уездного съезда. «Земские начальники в большинстве случаев являются лицами со средним образованием и ниже; мне, — писал он, — как члену Вятского губернского присутствия, приходится нередко экзаменовывать на должность земского начальника молодых людей, только что окончивших семинарию или другое среднее учебное заведение; казначеи также в большинстве случаев люди со средним образованием; товарищи прокурора нередко назначаются со школьной скамьи; председатели уездных съездов также в большей массе люди со средним образованием, а занимают должность V класса; из 11 председателей уездных съездов в Вятской губернии только один с высшим образованием как окончивший ветеринарный институт. Чины горного надзора, — заключал он, — поставленные властью на должную высоту, стоящие высоко в глазах горнопромышленников и рабочих, должны в ряду чиновников других ведомств занимать достойное и соответствующее их служебному положению место» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1568, л. 36–45]. Судя по материалам съезда, этот вопрос там не обсуждался и поэтому остался без какой-либо реакции властей, так же как, впрочем, и возбужденный перед высшей властью вопрос о повышении канцелярских расходов.

Задержки заработной платы рабочим

Одной из новых задач окружных инженеров, связанных с охраной труда, стало наблюдение за своевременной выдачей рабочим заработной платы. Эта их обязанность актуализировалась в начале XX в., когда экономический кризис на целое десятилетие охватил уральскую металлургию. Перепроизводство железа существенно понизило цены на рынке и негативно отразилось на финансовом положении большинства горнозаводских округов.

По сведениям Уральского горного управления, задержки заработной платы наблюдались тогда на Богословских, Ревдинских, Кыштымских,

Нижнетагильских, Сергинско-Уфалейских, Верх-Исетских, Невьянских заводах [Неклюдов, 2018]. Судя по известным фактам, окружные инженеры отслеживали ситуацию и, как требовал закон, добивались «исследования на месте возникших неудовольствий и миролюбивого соглашения сторон», составляли рапорты в вышестоящие инстанции и пытались воздействовать на заводоуправления. Но, как писал в 1909 г. окружной инженер Южно-Верхотурского округа Л. Г. Кихлер, «весь трагизм положения заключается в том, что окружной инженер, видя тяжелое и безвыходное положение рабочих, должен вместе с тем сознавать свое полное бессилие изменить и облегчить его, так как, предъявляя требование уплаты сотен тысяч рублей заработка, он должен стучаться буквально в закрытый карман управления», поскольку финансирование заводов находилось в компетенции не местных заводоуправлений, а далеких от Урала столичных контор владельцев [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1540, л. 12–13 об.].

Причиной невысокой эффективности действий горного надзора было отсутствие в законах «мер воздействия на предпринимателей». Действующее законодательство обязывало заводчиков выдавать заработную плату работникам дважды в месяц, но не вводило санкции за нарушение этого правила. Поэтому окружные инженеры могли лишь фиксировать нарушения и требовать их исправления от заводоуправлений, не имея реальных рычагов административного воздействия на них. По этому поводу сам главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский еще в 1903 г. писал в Горный департамент о том, что существующие законы «остаются мертвой буквой... и при современном положении дела горный надзор лишен возможности фактически произвести воздействие на заводоуправление». Он предлагал «ввести законодательным путем» возможность ареста и продажи с торгов «заводских произведений» для расплаты с рабочими [Там же, д. 1315, л. 21–22].

Однако и через 10 лет положение не изменилось. В марте 1913 г., когда кризис был уже преодолен, задержки заработной платы обнаружились в уже упоминавшемся Пожевском округе С. Е. Львова. Окружной инженер Чердынского округа Н. П. Блюменталь, в ведение которого год назад вернулось это хозяйство от фабричной инспекции, немедленно выехал на заводы. Он обнаружил, что в кассе «наличных денег для расчетов с рабочими не имеется, что получение денег ждут от владельца переводом из Санкт-Петербурга, но что князь в последнее время на телеграммы ответа не дает». Следствие показало, что «все денежные операции... велись самим князем, и снабжение заводской кассы деньгами находилось всецело и непосредственно в руках последнего», а задержки плат «особенно в зимний период во время закрытия навигации» здесь были «хроническим явлением». «В зимние месяцы, — пояснял окружной инженер, — благодаря географическому положению заводов, заводские изделия лежат на складах без движения, и большая часть их находится в это время в залоге в Государственном банке, а самая продажа товара производится преимущественно в кредит на сроки, причем от своевременного поступления денег от покупателей зависит благополучие заводов» [Там же, д. 1088, л. 35–36 об.].

Главная причина задержек заключалась в отсутствии «свободных оборотных средств» у заводоуправления.

«Принимая во внимание неимение в существующем законодательстве какой-либо карательной статьи по нарушению о задержке заработной платы... имея также в виду, что моральное воздействие на заводоуправление в смысле упорядочения расчетов с рабочими ни путем предписаний, ни путем личных убеждений не приводят к должному результату... — обращался окружной инженер в Уральское горное управление, — предлагаю описать через полицию часть свободного от секвестра... заводского имущества в изделиях, подлежащих к продаже и сбыту в текущую навигацию» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1540, л. 35–36 об.]. Вряд ли он был знаком с мнением бывшего главного начальника 10-летней давности, но предложил фактически то же самое. Угроза секвестра, по его мнению, могла побудить владельца «внести в одно из кредитных учреждений Перми на текущий счет сумму 25–30 тыс. руб., равную среднему полуторамесячному заработку рабочих, и с этого счета выписывать получку... и каждый раз пополнять запасной капитал до первоначального размера» [Там же].

Ничего не добившись в тот свой приезд, Н. П. Блюменталь предписал заводоуправлению хотя бы ежемесячно информировать его о величине долгов. Но, вновь появившись на Пожевском заводе в начале мая, он вынужден был констатировать, что рабочим была выдана только часть заработной платы и при этом «работа во многих цехах... не производилась вовсе, в других же отделениях была сильно сокращена». «Заводская администрация» пояснила, что «приостановка работ произошла через неделю после Пасхи ввиду отсутствия материала», а именно чугунных слитков, которые доставлялись сюда по договору с Кушвинским казенным заводом. Срыв поставок, которые, видимо, не компенсировались работой собственной домны, привел к сокращению производства, но администрация надеялась на то, что «завод снова будет пущен полным ходом, так как владелец обещал выхлопотать в Петербурге получение новой партии переделочного материала» [Там же, л. 48–48 об.]. В такой ситуации оставалось только ждать результатов действий заводовладельца.

О необходимости расширить полномочия горного надзора летом 1914 г. писал в Уральское горное управление и окружной инженер Южно-Верхотурского округа Шах-Гули-Мирза: «Для упорядочения расчетов с рабочими на заводах и рудниках вижу только одно средство, хотя и крайнее, а именно: предоставить право административного наложения ареста на продукты производства» [Там же, д. 1033, л. 9–10]. Однако эта неоднократно предлагавшаяся мера так и не вводилась и даже не обсуждалась в присутствиях по горнозаводским делам. Известно, что еще в 1896 г. вопрос о том, «какие средства могут быть применяемы для предупреждения неисправного удовлетворения заводоуправлением рабочих заработной платой», уже обсуждался в Горном департаменте. Тогда было разъяснено, что «по действующим законам неуплата заводчиком заработанных рабочими денег в срок составляет правонарушение не уголовное, а только гражданское, и что в подобных случаях горный надзор может лишь принимать

меры к миролюбивому соглашению сторон... а также предупреждать местную полицию на случай могущих возникнуть беспорядков» [Извлечения из журналов..., с. 12]. Очевидно, что при таком подходе не просматривалась перспектива расширения полномочий окружных инженеров.

Медицинская помощь на заводах

В начале XX в. обострилась и другая проблема — обеспечение рабочих медицинской помощью по новым правилам, введенным в 1896 г. Присутствием по горнозаводским делам при Уральском горном управлении. В соответствии с ними, при наличии на заводе свыше 400 рабочих там должна была открываться больница с таким расчетом, чтобы «на каждые 100 рабочих была одна кровать, постоянный врач и необходимый штат вспомогательного медицинского персонала, а также и аптека» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1320, л. 46]. Однако не все заводоуправления своевременно и адекватно отреагировали на это «обязательное постановление».

Так, в сентябре 1908 г. пермский губернатор А. В. Болотов обратился к министру внутренних дел П. А. Столыпину с просьбой «оказать воздействие» на правление Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов «к скорейшему устройству больницы в Нижнеуфалейском заводе». Это «представление», по словам окружного инженера Западно-Екатеринбургского округа В. О. Бронаковского, «являлось финалом всех мытарств, какие приходилось проходить в течение с лишком восьми лет, чтобы добиться... исполнения обязательного постановления Присутствия по горнозаводским делам» [Там же, л. 43].

Сразу после издания этого постановления выяснилось, что на двух Уфалейских и вспомогательном Суховязском заводах, принадлежавших Товариществу, требовалось учредить две больницы «не менее как на 12–13 коек с постоянным врачом и аптекой». Однако когда окружной инженер обратил на это внимание главноуполномоченного акционерного общества Б. Э. Бабеля, то получил отказ со ссылкой на то, что после упразднения Присутствия по горнозаводским делам в 1899 г. необязательными якобы стали и его постановления, а потому он «не считает нужным исполнять эти постановления и не будет ни переустраивать старой Верхнеуфалейской больницы, ни строить новой... в Нижнеуфалейском заводе» [Там же, л. 43–47]. Как полагалось в таком случае, инженер оставил «запись в инспекторской книге» и «составил протоколы», направив их в 1904 г. в Пермское губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие «на зависящее распоряжение». Этот правопреемник бывшего Присутствия при Горном управлении в свою очередь поручил ему «привлечь к ответственности в судебном порядке управляющих заводами Лелевеля и Вавилова», что и было исполнено окружным инженером «отношениями на имя земских начальников» в 1905 г.

Однако, как свидетельствовал сам В. О. Бронаковский, «с наступлением кризиса почти на всех уральских заводах... затягивавших вследствие финансовых

затруднений самые расчеты с рабочими, не время было настаивать на исполнении обязательного постановления относительно постройки и переустройства больниц, и поэтому я не принимал дальнейших мер» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1320, л. 43–47]. Видимо, тогда горные власти и заводоуправление достигли временного компромисса: в виде исключения было разрешено иметь на двух Уфалейских заводах одну общую больницу «с тем, чтобы таковая удовлетворяла всем требованиям». Но, как записано в «представлении» губернатора, заводоуправление «воспользовалось этой льготой слишком широко, устроив в Верхнеуфалейском заводе больницу при враче всего на восемь коек, а в Нижнеуфалейском — лишь приемный покой с фельдшером и акушеркой» [Там же]. Между тем, заводы располагались в 23 верстах друг от друга «по грунтовой дороге» и перевозка тяжелобольных «представляла весьма существенные неудобства». Это вызывало неоднократные ходатайства рабочих Нижнего завода, тем более что там, оказывается, уже было построено для больницы «около 30 лет тому назад прекрасное здание, занятое в настоящее время конторой и квартирой лесничего». В 1908 г. очередная просьба рабочих вызвала новое «определение» губернского присутствия об обязательном устройстве стационара в Нижнеуфалейском заводе. Но Товарищество вновь «не привело больницы в округе в надлежащее соответствие». В такой ситуации и было принято решение об обращении через губернатора к самому министру, которое окружной инженер счел «самой действенной мерой» [Там же].

Если у окружного инженера еще оставалась надежда на высшее начальство, то главный начальник уральских заводов П. П. Боклевский, видимо, лучше понимавший действующие порядки, не предвидел скорого решения этого вопроса без внесения изменений в законодательство. «Местный окружной инженер принимал все зависящие от него меры, включительно до привлечения управляющих заводами к судебной ответственности, но безрезультатно, — сообщал он в Горный департамент. — Принимая во внимание, что ответственность за нарушение помянутых обязательных постановлений... влечет за собой только наложение штрафа не свыше 50 руб., следует признать эту меру не достигающей цели, и единственной мерой воздействия было бы закрытие... заводов, что, однако, не в интересах рабочих. Поэтому я признаю неотложно необходимым, чтобы в правительственных сферах был возбужден вопрос о мерах, которые должны быть принимаемы при упомянутом неисполнении со стороны заводчиков и горнопромышленников обязательных постановлений как о врачебной помощи рабочим, так равно и об охране жизни и нравственности рабочих» [Там же, л. 59–60].

Добиться от акционерной компании учреждения новой больницы так и не удалось, поскольку из-за громадных долгов в октябре 1908 г. она была устранена от управления Сергинско-Уфалейскими заводами. Новая антикризисная администрация направила свои усилия на преодоление финансового кризиса, на продолжение деятельности заводов и уплату рабочим заработной платы. В таких условиях и «понуждение» самого министра вряд ли принесло бы успех.

Понимая это, горное начальство, видимо, более не поднимало вопрос о больнице, удовлетворившись сложившимся положением с медицинской помощью заводскому населению в округе. Не последовало и реакции на предложение главного начальника, о чем свидетельствует подобный вышеописанному случай, который произошел через пять лет на Пожевских заводах.

В конце июля 1913 г. уже известный нам окружной инженер Н. П. Блюменталь получил предписание главного начальника П. И. Егорова разобратся с обеспечением рабочих этих заводов «врачебной помощью». Тогда Соликамская земская управа донесла в Горное управление, что на Пожевском и смежном с ним Елизавето-Пожевском заводах, «имеющих в общей сложности более 1200 постоянных рабочих», действовала только одна больница с аптекой и вместо «постоянного врача» ею руководил фельдшер. «Местное население, — сообщала управа, — в главнейшей своей массе состоит из заводских рабочих и их семейств, не удовлетворяясь оказанием фельдшерским персоналом больницы медицинской помощью, неоднократно обращалось к владельцу заводов князю С. Е. Львову с просьбой пригласить в заводы врача» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1088, л. 54–55]. Но тот еще в 1912 г. на одно из предписаний управы ответил, что «пожевское население» должно просить не его, а уездное земство «открыть в Пожве постоянную земскую больницу с врачом и полным штатом медицинского персонала и этим справедливо освободить управление завода от выполнения несвойственных ему обязанностей лечить заводское население» [Там же]. При этом князь уведомил, что «давно был озабочен приглашением врача, порученным нашему доверенному в Петербурге», и в газете «Врач» было сделано «несколько публикаций с приглашением занять вакантное место при заводской больнице с окладом жалованья 1500 руб. в год при готовой квартире». Хотя «заявлений желающих не поступало, тем не менее, поиски врача продолжаются», — заверил владелец. «С формальной стороны в пределах законности больница при Пожевском заводе обставлена правильно, — настаивал он, — имеются палаты, аптека, больничный персонал во главе с фельдшером, а для трудных случаев... приглашен врач чёрмозской больницы, который время от времени нашу больницу посещает, иметь же постоянного врача при заводских больницах... закон не предписывает» [Там же, л. 56–56 об.]. В управе сочли, что заводчик либо не знает о постановлении 1896 г., либо игнорирует его. Возмущенный такой трактовкой дела главный начальник записал на полях документа: «Чего же смотрит окружной инженер? Немедленно затребовать объяснения» [Там же].

Из объяснений Н. П. Блюменталья после его посещения заводов в марте 1913 г. выяснилось, что поиски врача для пожевской больницы все-таки увенчались успехом: при осмотре больницы его сопровождала «имевшаяся там налицо женщина-врач» А. А. Багоцкая — одна из немногих дам, окончивших женские медицинские курсы при Медико-хирургической академии в Петербурге [Невоструев, Лядова, с. 129]. Однако в мае того же года он уже не обнаружил врача на заводе. Администрация заявила, что та «находилась в отпуску, и завод

в нужных случаях пользовался на это время услугами врача из соседнего Чёрмозского завода». Тем не менее, и в конце лета, и в начале осени, по сведениям окружного инженера, врач так и не вернулась из своего «слишком продолжительного отпуска». Уральское горное управление предписало ему «назначить лицу, уполномоченному князем Львовым на управление заводом... месячный срок на приглашение постоянного врача, а при неисполнении сего... составить протокол о нарушении обязательного постановления... и направить таковой в Пермское губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие» [ГАСО, ф. 24, оп. 19, д. 1088, л. 58–62].

Исполнив предписание, окружной инженер через месяц осведомился о принятых заводоуправлением мерах, но получил лишь краткий ответ: «Врачебная помощь обставлена правильно». «Ввиду неявности этого донесения», он «телеграфно запросил... доставить более подробные сведения», на что получил телеграмму: «Приглашен врач Хренников» [Там же, л. 63–65]. Из сторонних источников окружной инженер выяснил, что «упомянутый в телеграмме врач не является постоянным на заводе, а приглашается заводоуправлением». Необходимо, счел он в такой ситуации, «выяснить число рабочих, дабы в нужный момент вновь предъявить требование относительно приглашения постоянного врача» [Там же]. Из «отношения» заводоуправления стало ясно, что оно уже осведомилось о постановлении 1896 г. и нашло аргумент в свою пользу: на Пожевском заводе в то время работало всего 300 чел. «Врачебная помощь... находится в исправности, согласно требованию постановления Уральского горного управления... — писал управляющий. — С усилением заводского действия и увеличением количества рабочих свыше 400 чел. ...будет для заводской больницы приглашен постоянный врач» [Там же]. Хотя весь предыдущий опыт общения окружного инженера с Пожевским заводоуправлением давал основание усомниться в этом обещании, формальный повод для продолжения следствия был исчерпан. Окружному инженеру ничего не оставалось, как смириться со сложившимся положением.

Подводя итог, отметим, что в статье затронута лишь часть проблем, с которыми приходилось на практике сталкиваться чиновникам имперского горного надзора в начале XX в. Но эти проблемы с полным правом можно назвать насущными, поскольку именно их поднимали сами окружные инженеры — индивидуально в переписке с горным начальством или коллективно на своем съезде. Эти проблемы относились как к организации работы инженеров (определение границ округов и объектов надзора, финансирование и служебный статус), так и к их полномочиям (недостаток «мер воздействия» на предпринимателей). Заметно, что если первые снимались, хотя и не всегда оперативно, то вторые сохранялись, несмотря на свою остроту и общественную значимость. Как явствует из приведенных выше высказываний горных начальников, причиной тому являлся разный уровень преодоления тех или иных проблем. Если

организационные вопросы решались административными мерами, находя, как правило, понимание в самом горном ведомстве, то функциональные требовали санкции законодательных органов, что выводило их на такой уровень обсуждения, где горное ведомство уже не имело решающего значения. Кроме того, расширение полномочий окружных инженеров наталкивалось на опасение, которое высказывалось еще при обсуждении реформы в 1860-е гг. о том, что предоставление им «права прямого исправления» замеченных недостатков может превратить институт окружных инженеров «в орудие произвола» [Труды Комиссии..., с. 127–148]. Уже тогда предполагалось, что такое следствие реформы могло подорвать авторитет власти в глазах предпринимателей, которые являлись основными акторами экономического развития страны.

Наличие разноплановых трудностей в работе горного надзора в начале XX в. свидетельствует о том, что на ставшем заключительным этапе своего существования он не был совершенным институтом и не всегда достигал своей основной цели по воспитанию ответственного предпринимательства в такой важной отрасли экономики, как горнозаводская промышленность.

Источники

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 19. Д. 588, 1033, 1088, 1315, 1320, 1540, 1568, 1588, 1636.

Извлечения из журналов Присутствия по горнозаводским делам при Горном департаменте. № 27. 20 июля 1896 г. // Горный журнал. 1897. № 1. С. 12–13.

Наказ чинам горного надзора по наблюдению за исполнением законов о рабочих на частных горных заводах и промыслах // Горный журнал. 1901. № 9. С. 192–209.

Об изменении штатов горных управлений Сибири и Урала // Горный журнал. 1903. № 9. С. 210–219.

Первый Съезд окружных инженеров Уральской горной области в г. Екатеринбурге. С 24 апр. по 3 мая 1914 г. : (Протоколы). Екатеринбург, 1914.

ПСЗ-III — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е : в 33 т. СПб. : Гос. тип., 1885–1916. Т. 6, 12, 19.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 37. Оп. 7. Д. 570; Оп. 65. Д. 558.

Сапелкин В. В. Горное дело в России: перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий Европейской и Азиатской России со статистическими сведениями за 1901 г. СПб. : Тип. И. Гольдберга, 1903.

СЗ — Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 7 : Устав Горный.

Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 4 : Проект Горного устава, составленный общим собранием Комиссии.

Исследования

Иванов П. А. Краткая история управления горной частью на Урале. Екатеринбург : Хромолитотинография К. К. Вурм, 1900.

Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1909 гг. СПб. : Тип. Г. А. Бернштейна, 1909.

Невоструев Н. А., Лядова В. В. Исторический опыт деятельности женщин в российской медицине // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 8 (62). Ч. 1. Август. С. 127–134.

Неклюдов Е. Г. Горная реформа в России второй половины XIX — начала XX в.: от замысла к реализации. СПб.: Нестор-История, 2018.

Неклюдов Е. Г. Горный надзор в начале XX в.: проблема расчетов с рабочими на заводах Урала // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 4–25.

Неклюдов Е. Г. Реформирование горного надзора в России во второй половине XIX — начале XX в.: проекты и их реализация // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 2 (198). С. 181–196.

Штоф А. А. Горное право. Сравнительное изложение горных законов, действующих в России и в главнейших горнопромышленных государствах Западной Европы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1896.

References

Ivanov, P. A. (1900). *Kratkaia istoriia upravleniia gornoi chast'iu na Urale* [Brief History of Mining Management in the Urals]. Ekaterinburg: Chromolithotypography K. K. Wurm.

Loransky, A. M. (1909). *Kratkii istoricheskii ocherk administrativnykh uchrezhdenii gornogo vedomstva v Rossii. 1700–1909 gg.* [A Brief Historical Outline of the Administrative Institutions of the Mining Department in Russia. 1700–1909]. St Petersburg: Tip. G. A. Bernshteina.

Neklyudov, E. G. (2018). *Gornaia reforma v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.: ot zamysla k realizatsii* [The Mining Reform in Russia of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: From Concept to Implementation]. St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Neklyudov, E. G. (2019). *Gornyi nadzor v nachale XX v.: problema raschetov s rabochimi na zavodakh Urala* [Mining Supervision in the Early 20th Century: The Problem of Settlements with Workers at the Factories of the Urals]. *Historical courier*, 6, 4–25.

Neklyudov, E. G. (2020). *Reformirovanie gornogo nadzora v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: proekty i ikh realizatsiia* [Reforming Mining Supervision in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Projects and Their Implementation]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 22, 2 (198), 181–196.

Nevostruev, N. A., & Lyadova, V. V. (2017, August). *Istoricheskii opyt deiatel'nosti zhenshchin v rossiiskoi meditsine* [Historical Experience of Women in Russian Medicine]. *International Scientific Research Journal*, 8 (62), 127–134.

Stof, A. A. (1896). *Gornoe pravo. Sravnitel'noe izlozhenie gornykh zakonov, deistvuiushchikh v Rossii i v glavneishikh gornopromyshlennykh gosudarstvakh Zapadnoi Evropy* [Mining Law. Comparative Exposition of Mining Laws in Force in Russia and in the Main Mining States of Western Europe]. St Petersburg: Tip. M. M. Stasyulevicha.

Неклюдов Евгений Георгиевич

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
центра экономической истории
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16
E-mail: ntplant9@mail.ru

Neklyudov, Evgeny Georgievich

Dr. Hab. (History), Chief Researcher
Centre of Economic History
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya Str., 620990 Ekaterinburg,
Russia
Email: ntplant9@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9764-9468>
Scopus AuthorID: 57193827991